

КОРОЛЬ ПОЭТОВЪ
ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ

Игорь - Свєрjанин

ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

1918 г.

ИЗБРАННЫЯ ПОЭЗЫ
ДЛЯ ПУБЛИЧНАГО
ЧТЕНІЯ.

АЛМАНАХЪ ПОЭЗОКОНЦЕРТЪ

1. ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА
2. МАРИИ КЛАРКЪ
3. ПЕТРА ЛАРИОНОВА
4. ЛЬВА НИКУЛИНА
5. ЕЛИЗАВЕТЫ ПАНАЮТТИ
6. КИРИЛЛА ХАЛАФОВА.

Набрано и напечатано въ типографіи
„КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ А. ГАТЦУКА“.
Москва, Долгоруковская ули а, д. 33.

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

ПОЭЗОКОНЦЕРТЬ.

„Гдѣ свой алтарь воздвигли боги,
Не мѣсто призракамъ земли“!

Мирра Лохвицкая.

Въ Академіи Поэзіи—въ озерзамкѣ бѣломраморномъ
Ежегодно мая перваго фіолетовый концертъ,
Посвященный вешнимъ сумеркамъ, посвященный
дѣвамъ траурнымъ...
Тутъ газэллы и рансодіи, тутъ—и глина, и мольбертъ.

Офіалчень и олилієнь озерзамокъ Мирры Лох-
вицкой.

Лилувѣють разнотонами станы тонкихъ поэтессъ.
Не доносятся по озеру шумы города и вздохъ
людской,
Оттого, что груди женскія — тутъ не груди, а...
«дюшессъ...»

Наполняется поэтами безбородыми, безусыми,
Музыкально говорящими и поющими Любовь.
Золотъ гордый замокъ строфами, золотъ дѣвушками
русыми,
Золотъ юнымъ вдохновеніемъ и отсутствіемъ
рабовъ!

Гости ходятъ кулуарами, возлежатъ на софномъ
бархатѣ,
Пьютъ вино, вдыхаютъ лиліи, цѣпятъ звенья па-
хитось...
Проклинайте, люди трезвые! Громче, злѣй, воробны,
каркайте! —
Я, какъ ректоръ Академіи, пью за озерзамокъ тосты!

ЭТО БЫЛО У МОРЯ.

Позма-миньонетъ.

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла—въ башнѣ замка—Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ.

Дорогому К. М. Фочанову

Весенний день горячъ и золотъ,—
Весь городъ солнцемъ ослѣвленъ!
Я снова — я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты“...
Какой просторъ! какая воля!
Какіе пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы — въ бричку по ухабамъ!
Скорѣй бы — въ юные дуга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ.
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирены!
Виновныхъ пѣть: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

1911

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ.

А. Д. Барановой.

Встрѣчаются, чтобъ разлучаться...

Влюбляются, чтобъ разлюбить...

Мнѣ хочется расхохотаться

И разрыдаться—и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...

Мечтають, чтобъ клянуть мечты...

О, скорбь тому, кому понятны

Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...

Въ столицѣ хочется глуши...

И всюду человѣчьи лица

Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,

И есть въ уродствѣ красота...

Какъ часто низость благородна,

И злы невинныя уста...

Такъ какъ же не расхохотаться,

Не разрыдаться, какъ же жить,

Когда возможно разставаться,

Когда возможно разлюбить?!

Москва

Февраль, 1916 г.

Ф І А Л К А.

Морозову - Гоголю

Снѣжѣть дружно, снѣжѣть нѣжно,
Надъ ручейками хрусталить хрупъ.
Куда ни взглянешь—повсюду снѣжно,
И сердце хочетъ въ лѣсную глубь.

Мнѣ больно—больно... Мнѣ жалко—жалко
Зачѣмъ мнѣ больно? Чего мнѣ жаль?
Ахъ, я не знаю, ахъ, я—фіалка,
Такъ тихо—тихо ушла я въ шаль.

О ты, чье сердце крылитъ къ раздолью,
Ты, триумфаторъ, ты, властелинъ!
Приди, любуйся моей фіолью—
Моей печалью въ снѣгахъ долинъ.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда побѣдны, внемли, о ты:
Возьми въ ладони меня, какъ въ лапы,
Моей фіолью свята мечты!..

ТРИНАДЦАТАЯ.

Н о в е л л а

У меня дворець двѣнадцатизэтажный,
У меня принцесса въ каждомъ этажѣ,
Подглядѣль-подслушалъ какъ-то вихрь протяжнь
И объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ уже.

Знаетъ,—и прекрасно! сердцемъ не плутую!
Всѣхъ люблю, двѣнадцать,—хоть на эшафотъ!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Такъ вотъ:

Всѣ мои принцессы—любящія жены,
Я, ихъ повелитель, любящій ихъ мужъ.
Знойнымъ поцѣлуемъ груди ихъ прожжены,
И въ каскады слиты ручейки ихъ душъ.

Каждая другъ друга дополняетъ тонко,
Каждая прекрасна, въ каждой есть свое:
Та груститъ беззвучно, та хохочетъ звонко,—
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой..
День и ночь хожу по лѣстницѣ, завѣсу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
Въ упоеньи мигомъ некогда тужить.
Жизнь—отъ поцѣлуя, жизнь—до поцѣлуя,
Вѣчное забвенье не даетъ мнѣ... жить.

Но бываютъ ночи: забѣрусь я въ башню,
Заберусь одинъ въ тринадцатый этажъ,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чаруетъ грѣза все одна и та-жъ..

Хорошо бы въ этой комнатѣ стеклянной
Пить златистогрѣзый черный виноградъ
Съ вѣчно-безымянной, странно такъ желанной,
Той, кого не знаю и узнать не радъ.

Скалы молятъ звѣзды, звѣзды молятъ скалы,
Смутно понимаю тайну скалъ и звѣздъ,—
Наполняю сокомъ и душой бокалы
И провозглашаю безотвѣтный тосты..

РУССКАЯ.

Кружевѣть, розовѣть утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ.
Бриллиантится веселая роса;
Что за воздухъ! что за свѣтъ! что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу.
Видѣть птичку, лягушенка и осу,
Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхо: „ха-ха-ха!“
Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ берегахъ дѣвку повстрѣчать.
Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,
Пробудить ея невыспавшійся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,
Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь!

АНАНАСЫ ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

Ананасы въ шампанскомъ! ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро.

Весь я въ чемъ то норвежскомъ! весь я въ чемъ
то испанскомъ!

Вдохновляюсь порывно и берусь за перо.

Стрекоть аэроплановъ, бѣги автомобилей,
Вѣтропросвистъ экспрессовъ, крылолетъ буэровъ.
Кто то здѣсь зацѣлованъ, тамъ кого-то побили...
Ананасы въ шампанскомъ, это—пульсъ вечеровъ.

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ
обществѣ дамскомъ

Я трагедію жизни претворю въ грезофарсъ.
Ананасы въ шампанскомъ! ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы въ Нагасаки! изъ Нью-Йорка
на Марсъ!

ВОСТОРЖЕННАЯ ПРЭЗА.

Восторгаюсь тобой, молодежь!
Ты всегда — даже стоя! — идешь.
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ!
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много весень и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утонится солнце въ водѣ,—
Да весянятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки!..
Оттого я, не зная тоски,
Такъ спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозово възгряну „ура!“
Что умереть безвоскресно вчера,
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя „сегодня“ твоё!

КАЧАЛКА ГРЕЗЭРКИ,

Т. Д. Рындиной.

Какъ мечтать хорошо Вамъ
Въ гамакѣ камышовомъ
Надъ мистическимъ окомъ — надъ безтиннымъ пру-
домъ!

Какъ мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грёзэрки
Истомленно лунятся: то — Верлэнъ, то — Приудомъ!

Что за чудо и диво! —
То Вы — лэди Годива,
Черезъ мигъ — Юланта, черезъ мигъ Вы — Сафо...

Стоить Вамъ повертѣться,—
И загрезится сердце:
Все на свѣтѣ возможно, все для Васъ ничего!

Покачнетесь Вы влѣво,—
Королевъ Королева,
Властелинша планеты голубыхъ антилопъ,
Гдѣ, отъ вздоховъ левкоя,
Упоенье такое,
Что зарезать порфирой заурядный холонъ!

Покачнетесь Вы вправо,—
Улыбнется Вамъ слава,
Идохнетъ Ваше имя, какъ цвѣты райскихъ клумбъ;
Прогремитъ Ваше имя,
И въ околнѣнномъ дымѣ
Вы сойдете на Землю,—мірозданья Колумбъ!

А качнетесь Вы къ выси,
Гдѣ мигающій бисеръ,
Вы постигнете тайну: вѣчной жизни процессъ.
И мечты — сюрпризэрки
Надъ качалкой грезэрки
Воплотятся въ кауризный, но безсмертный эксцессъ!

Т І А Н А.

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана.

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлена — какъ эхо... Мадлена — какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ,—
Влюбляются сердцемъ, но — какъ если рана?

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ—
И дѣвѣхъ, и женскихъ,—все то-же! къ тому жъ,
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ—ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпѣзный поэзоконцертъ:
Вѣдь прежде такъ просто — луна и поляна.

И вдругъ Вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!..

ЕЯ МОНОЛОГЪ.

Не можетъ быть, вы лжете мнѣ, мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои... сжечи!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары:
Жжетъ молнія надменные вершины,
Поэтъ—изъ перловъ бурные костры,
И фабрикантъ—дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забывшія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище двора,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И гении сжигаютъ мощь свою
На алкоголь—символъ безсилія...
Но письма сжечь,—гдѣ я тебѣ пою
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя—какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя—какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба...
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

Мыза „Ивановка“.

1909 г.

— МОРОЖЕНОЕ ИЗЪ СИРЕНИ.

—Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Полпорціи десять копеекъ, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль?—не дорого—можно
безъ преній...

Поѣшь деликатнаго, плошадь: придется товаръ по
душѣ!

Я сливочнаго не имѣю, фисташковое все распро-
далъ...

Ахъ, граждае, да неужели вы требуете кремъ-
брюле?

Пора популяризовать изыски, утончиться вкусомъ
народа,

На улицу специ кухонь, огимнивь эксцессъ въ
вирэле!

Сирень—сладострастия эмблема. Въ лилово-изнѣ-
женномъ кренѣ

Заледнѣвъ, водопадное сердце, въ душистый и слад-
кій пушокъ...

Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Эй, мальчикъ со сбитнемъ, попробуй! Ей Богу,
похвалишь, дружокъ!

ВЪ ГРѢХѢ — ЗАБВЕНЬЕ.

Ты — женщина и этимъ ты права.

Валерій Брюсовъ.

Вся радость — въ прошломъ, въ такомъ далекомъ
и безвозвратномъ,

А въ настоящемъ — благополучье и безнадежность;

Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ
закатномъ,

Любви и страсти; — его плѣняетъ неосторожность...

Устало сѣрдце отъ узкихъ рамокъ благополучья,

Оно въ уныньи, оно въ оковахъ, оно въ томлени...

Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ
безлучьи,

Оно трепещетъ такою скорбью, все въ гипсѣ
лѣни...

А жизнь чаруетъ и соблазняетъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущеньи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ

и

сиротъ...

Но одиноко его бѣенье, и нѣтъ единства...

А жизнь проходить, и склепъ холодный, быть

можетъ, вырыть...

О, сердце! сердце! твое спасенье — въ твоёмъ

безумьи!

Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!

Грѣши отважнѣй! — пусть добродѣтель — удѣломъ

мумій:

Въ грѣхѣ забвенье! а тамъ — хоть пуля, а тамъ —

хоть рельсы!

Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!

Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!

И будь спокойно: живя, ты — право! сомнѣнья,

мимо!

Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

ПОЭЗА ОТКАЗА.

Она мнѣ прислала письмо голубое,
Письмо голубое прислала она.
И вѣютъ жасмины, и рѣютъ гобои,
И рѣютъ гобои, и льется луна.

О чемъ она пишетъ? Что въ сердцѣ колышетъ?
Что въ сердцѣ колышетъ усталомъ моемъ?
Къ себѣ призываетъ!—а больше не пишетъ,
А больше не пишетъ она ни о чемъ...

Но я не поѣду ни завтра, ни въ среду,
Ни завтра, ни въ среду отвѣтъ не пошлю.
Я ей не отвѣчу, я къ ней не поѣду,—
Она опоздала: другую люблю!

ПОЭЗА СЧАСТЬЯ.

Я не могу не радоваться маю
И не воспеть его я не могу,
Когда тебя так пылко обнимаю
На благодатномъ этомъ бѣрегу.

Который разъ все въ тотъ же, все въ зеленый,
Въ весенній шелкъ закуталась земля?
Который разъ, въ мечту свою влюбленный,
Я ухожу въ зовущія поля?

Но въ этотъ годъ—весна совсѣмъ иная,
И май иной,—все лучше, все свѣтлѣй!
Мечта сбылась: со мною ты, родная,
А потому—и только соловей!

Мнѣ все равно, въ какіе тамъ размѣры
Вольется стихъ горячій, все равно!—
Кошунственные изысковъ камамберы,
И быть банальнымъ снова мнѣ дано!..

Когда тебя я къ сердцу прижимаю,
И твоего канота тлѣетъ тюль,
Могу ли я не радоваться маю
И пережить любимую могу ль?

; ВЕСЕННИЕ ТРІОЛЕТЫ.

Андрею Вишоградову:

Еще весной благоухаетъ садъ.
Еще душа весенится и вѣрить,
Что поправимы страстныя потери..
Еще весной благоухаетъ садъ...
О нѣжная сестра и милый братъ,
Мой домъ не спить, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣрить...

Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ безвѣстное тропинки,
Еще благоухаетъ садъ весной...
О жизнь моя! ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчить мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожать слезинки.

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ,
И я усталъ, и юность позади...
О жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя, и сердце воспыхаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!..

ДИОИРАМБЪ.

Почему не брать отъ жизни все,
что она даетъ?

Ибсенъ.

Цвѣтовъ! огня! вина! и кастаньеты!
Пусть блещетъ „да“! пусть онѣмѣетъ „нѣтъ“!
Пусть разсмѣется дерзновенное!
Живи, пока живешь! спѣши, спѣши
Любить, ловить мгновенное!
Пусть жизнь за счастье сдачи дастъ гроши,
Что толку въ томъ, когда все тлѣнное?
Пей! хохочи! танцуй! смѣши!

Воспламенись! всѣхъ жги и самъ гори!
Сгори! что тамъ беречь!
Рискуй! рубись! выигрывай пари!
Въ свой фаэтонъ сумѣй Моментъ запречь!
Сверкай мечомъ! орломъ пари!
Бери!..

M-ME SANS-GÈNE.

Разсказъ путешественницы.

Это было въ тропической Мексикѣ, —
Гдѣ еще не спускался бипланъ,
Гдѣ такъ вкусны пушистые персики, —
Въ бѣломъ ранчо у моста ліанъ.

Далеко-далеко, за льяносами,
Гдѣ цвѣты ядовитѣе змѣй,
Съ индіанками плоско-курносими
Повстрѣчалась я въ жизни моей.

Я гостила у дикаго племени,
Кругозоръ былъ и ярокъ, и новъ.
Много-много ужъ этому времени!
Много-много ужъ этому сновъ!

Съ жаркой кровью, бурливѣе кратера,
Краснокожій металл бумерангъ,
И нерѣдко отъ выстрѣла скваттера
Уносилъ его стройный мустангъ.

А бывало: пушцовыми ранами
Пачкаль въ ранчо бамбуковый полъ...
Я кормила индѣйца бананами,
Уважать заставляла свой полъ...

Задуйте меня, зацарапайте,—
Предпочтенье отдамъ дикарю,
Потому что любила на Западѣ
И за это себя не корю...

ДЕВЯТНАДЦАТИВЕШНЯЯ.

Девятнадцатилетней впечатлѣнія жизни
 несравненно новѣе,
 Несравненно острѣе, чѣмъ готовому всрѣтить
 май тридцатой весны.
 Девятнадцатилетней легче въ истину вѣрить,
 какъ въ прекрасную фею,
 Какъ бы ни были годы,—восемнадцать
 минувшихъ,—тяжелы и грустны!..

И когда расцвѣтають бирюзовыя розы и
душистый горошекъ,
Ей представить наивно, что они расцвѣтають для
нея, для одной;
И когда вылетаютъ соловьями рулады изъ
сосѣдскихъ окошекъ,
Ей представить наивно, что поетъ кто-то.
близкій, кто-то тайно-родной...

Девятнадцативешней можетъ лѣсъ показаться
никогда нерубимымъ,
Неувядными маки, человѣчными люди, неизсячнымъ
ручей.

Девятнадцативешней можетъ сдѣлаться каждый
недостойный любимымъ:
Вѣдь его недостойность невидна, непонятна для
пресвѣтлыхъ очей...

И когда молодая,—о, душистый горошекъ!—
о, лазурныя розы!—
Веселятся рѣзвуньи, мнѣ мучительно сладко, но
и больно за нихъ...

И когда голубыя поэтички, какъ птички, подъ
угрозами прозы
Прозрѣвать начинаютъ, я въ отчаяньи плачу
о мечтахъ голубыхъ!..

ДИССОНА.

и

Георгію Иванову.

Въ желтой гостиной, изъ сѣраго клена, съ обивкою
полковой,
Ваше Сіятельство любить по вторичкамъ томный
журфиксъ.
Въ дамской двенгеркѣ комичнаго цвѣта, коричнево-
бѣлковой,
Вы предлагаете тонкому обществу присный кэксъ,
Нѣжно вдыхая сигары Эрцгерцога абрисъ фіал-
ковый...

Ваше Сіятельство къ тридцатилѣтнему—мод-
ному—возрасту
Тѣло имѣете универсальное... какъ барельефъ...
Душу душистую, тщательно скрытую въ шолко-
вомъ шелестѣ,
Очень удобную для проституттокъ и для королевъ..
Впрочемъ, простите мнѣ, Ваше Сіятельство, алая
шалости...

Вашимъ супругомъ, посломъ въ Арлекинїи, ярко
правительство:
Умъ и талантъ дипломата суть высшія качества..
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Какъ и поэзы мои для него, лишь чудачество..
Самое-жъ лучшее въ немъ, это—Ваше Сіятельство!

VICTORIA REGIA.

Миньонетъ.

Наша встрѣча—Victoria Regia:
Рѣдко - рѣдко въ цвѣту...
До и послѣ нея—жизнь—элегія
И надежда въ Мечту...

Ты придешь,—изнываю отъ нѣги я,
Трепещу налету...
Наша встрѣча—Victoria Regia:
Рѣдко - рѣдко въ цвѣту!..

ПЛЯСКА МАЯ.

Въ могилѣ — мракъ, въ объятяхъ рай,
Любовь — земли услада!

Ал. Будищевъ.

Вдалекѣ отъ фабрикъ, вдалекѣ отъ станцій,
Не въ лѣсу дремучемъ, но и не въ селѣ —
Старая плотина, на́ плотинѣ танцы,
Въ танцахъ поселяне, всѣ навеселѣ!

Покупаютъ парни у торговко́ дули,
Тыквенное сѣмя, каріе рожки.
Тутъ безпопья свадьба, тамъ кого-то вздули...
Шопоты да взвизги, пѣсни да смѣшки...

Точно гудъ ичелиный, гуторъ на полянкѣ:
— Любишь ли, Акуля? — „Дьяволъ, не замай“...
И, подъ звуки шустрой, удалой тальянки,
Пляшетъ на плотинѣ самъ царевичъ Май!

Разошелся браво пламенный красавецъ,—
Зашумѣли липы! зацвѣла сирень!
Вѣтерокъ цѣлуетъ въ губы всѣхъ красавицъ,
Май пошелъ въ присядку въ шапкѣ набекрень!

Но не видятъ люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удалыца...
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевичъ бросить, въ пляскѣ, два кольца...

Кто подниметъ кольца, жизнь тому—забава!
Упоенье жизнью—не для мѣдныхъ лбовъ!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царятъ надъ міромъ солнце и любовь!

ПОЭЗА О БЕЛЬГИИ.

Вѣръ Вертеръ.

Кто знаетъ?—ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль.

Волшебница! ты—златодарна!
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣтъ Брюссель.

Не вѣримъ—не можемъ! не смѣемъ!—
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнь
Смертельно-ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лювень.

И чей это шопоть, *crescendo*
Сверлящій умы и сердца
О бѣгствѣ народа въ Остендѣ,
Гдѣ будетъ начало конца?

О, городъ прославленныхъ устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнь
И волнь, голубѣющихъ шустрицъ,
О, городъ, трагичный канунъ!

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Мэтерлинка,
Ддающаго сладостный сонъ?

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять!
Помедлите, нѣжно усните,—
Не надо, не стоитъ бѣжать.

Намъ нужно дружиѣ сплотиться,
Пріавъ твой плѣнительный плѣнь,
О Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэны!

К Э Н З Е Л Ь.

Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ
платьѣ муаровомъ

По аллею олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная оть листвы разузорена—
Точно лапы научныя, точно мѣхъ ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная.
Упоенье любовное Вамъ судьбой предназначено...
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ
платьѣ муаровомъ —

Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же въ любовники? и найдется ли пара
Вамъ?

Ножки пледомъ закутайте дорогимъ, ягуаровымъ,
И, садясь комфортабельно въ ландолетъ бензи-
новомъ,

Жизнь доверьте Вы мальчику, въ макинтошѣ
резиновомъ,
И закройте глаза ему Вашимъ платьемъ жасми-
новымъ —

Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ
муаровымъ!..

З И З И

„Постигнуть серишемъ все возможно,
Непостижимое уму“...

К. Ф. Фанозъ

Безшумно шло моторное ландо
По „островамъ“ къ зеленому „пуанту“,
И взоръ Зизи, пѣвучѣ рондо,
Скользя въ лорнетъ, томилъ колѣни франту..

Хруститъ отъ шинъ заносчиво шоссе,
И воздухъ полнъ весенняго удушья.
Въ ея душѣ—осколки строфъ Мюссэ,
А на лицѣ—обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, можетъ быть, цѣла души скрижаль,
И лилія не можетъ быть кокоткой?

Останови моторы! сними манто
И шелкъ бѣлья, безчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя изъ ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажетъ Пустота
Подъ шляпками, цилиндрами и кэни!
Что до того!—такая нагота
Великолѣпнѣй всѣхъ великолѣпнѣй!

КЛУБЪ ДАМЪ.

Я въ комфортабельной каретѣ, на эллипсическихъ
рессорахъ,
Люблю заѣхать въ златополдень на чашку чая въ
женоклубъ,
Гдѣ вкусно сплетничаютъ дамы о свѣтскихъ дрыз-
гахъ и о ссорахъ,
Гдѣ глупый вправѣ слыть не глупымъ, но умный
непремѣнно глупъ...

О, фешенебельныя темы! отъ васъ тоска моя раз-
вѣется!

Тренещуть губы иронично, какъ земляничное
желе...

— „Индѣйцы — точно ананасы, и ананасы — какъ
индѣйцы“...

Остричь креолка, вспоминая о экзотической землѣ.

Градоначальница зѣваетъ, облокотясь на піанино,
И смотреть въ окна, гдѣ истомно бредеть хмѣ-
лѣющій Іюль.

Вкругъ золотѣетъ паутина, какъ символъ лѣнныхъ
плѣновъ сплина,

И я, сравнивъ себя со всѣми, люблю клубъ дамъ
не потому ль?..

НЕЛЛИ.

Константину Олипову.

Въ будуарѣ тоскующей парумяненной Нелли,
Гдѣ подъ пудрой молитвенникъ, а на ней Поль
де-Кокъ,
Гдѣ брюссельское кружево... на платкѣ изъ фла-
нели!—

На кушеткѣ загрезился молодой педагогъ.

Познакомился въ оперѣ, и влюбился, какъ юнкеръ.
Онъ готовъ осупружиться, онъ рѣшился на все.
Передъ нею онъ держится, точно мальчикъ, на
стрункѣ,
Съ нею въ паркѣ катается и играетъ въ серсо.

Онъ читаетъ ей Шницлера, посвящаетъ въ коктэбли,
Восхваливъ авіацію, осуждаетъ Китай
И, въ ревнивомъ невѣріи, тайно мѣтитъ въ кон-
стэбли...

Нелли нехотя слушаетъ,— „лучше ты покатай“.

„Философія похоти!.. Нелли думаетъ ѣдко:

„Я въ любви разувѣрилась, господинъ педагогъ...

О, когда бы на „Блеріо“ помѣстилась кушетка!

Интродукція — Гауптманъ, а финаль — Поль де-
Кокъ!“

СКАЗАНИЕ О ИНГРИДЪ.

I

На юго-востокъ отъ Норвегіи, въ Ботническомъ
шхерномъ заливѣ,

Быль островъ съ особеннымъ климатомъ: на
сѣверѣ юга клочокъ.

На немъ королевство Миррэлія, всѣхъ царствъ
и республикъ счастливѣй.

Съ красавицею — королевою, любившей народъ
горячо.

2.

У Ингридь Стэрлингъ лицо безкровно. Она—
шатенка.

Стройна. Изящна. Глаза лиловы. И скорбень
ротъ.

Таится въ Ингридь подь лѣсофеей демимондѣнка.
Играеть Ингридь. Она поэзить. Она поеть

3.

Она прославлена, какъ поэтесса. Она прославлена,
какъ композиторъ.

Она прославлена, какъ королева. Она прославлена
всеславьемъ славъ.

О.

И отвѣчаетъ Ингридъ Эрику, и отвѣчаетъ
Ингридъ дальнему,
Такому дальнему и милому страны полярной
королю:
„Привѣтъ влюбленному—любимому! Привѣтъ,
какъ я сама, печальному!
Привѣтъ тому, о комъ тоскую я! Привѣтъ тому,
кого люблю!“

7.

И больше ни слова. Пойми, какъ желаешь.
Пойми, какъ умѣешь. Пойми, какъ поймешь.

8.

Плыветъ эскадрилья въ столицу Сіаижъ.
О, Эрикъ! въ Миррэлію ты ли плывешь?

≈

9.

Его корабль съ штандартомъ короля
Въ восходный часъ
Приплыль.
И свита дѣвъ, страну ея хваля,
Поетъ: „Для насъ
Край милъ.“

✱

10.

Выходить Ингридь на южный берегъ,
 При Грозоправѣ идетъ къ нему:
 —Тебя встрѣчаю, пресвѣтлый Эрикъ,
 Ты освѣтляешь земную тьму.

11.

По край мой, не правда ли, свѣтель? но край мой,
 не правда ли, ясенъ?
 И свѣтлаго гостя встрѣчаетъ не менѣе свѣтлый
 народъ.
 Я знаю, что Эрикъ отваженъ. Я знаю, что Эрикъ
 прекрасенъ!
 Я знаю, что любить онъ Ингридь и смѣло къ себѣ
 призоветъ!

12.

Ты прости Грозоправъ: я тебя не хочу,
 Свѣтлоокому Эрику рада...

13.

Потянулася рука Грозоправа къ мечу
 И свершила мгновенно, что надо.

14.

Грозоправа хоронили, Грозоправа провожали,
 Грозоправа называли: „Справедливый Грозоправъ.“
 Въ замкѣ Ингридъ начертали въ спальнѣ новыя
 скрижали:
 „На несчастіи другого каждый счастье строить
 правъ.“

15.

Это было въ счастливой Миррэлѣи,
 Въ синей тѣни лазоревыхъ сливъ.
 Златолира же оменестрелила
 Сердцу Игоря сладостный миѡвъ...

/ 1915 г. май
 Эст.—Тойла.

ПОЭЗА СКОРБНАГО УТѢШЕНІЯ.

Въ холодную зиму голоднаго года,
Въ разгромленной чернью странѣ,
Гдѣ злымъ Произволомъ забита Свобода,
Почами, въ бессонницу, мнѣ
Мучительно думать о горѣ народа,
О жуткомъ,—о близкомъ къ намъ,—днѣ.

И спросишь невольно: „Да полно, да горе-ль,
И только ли горе одно,
Постигло страну? не опустится-ль вскорѣ
Поднятое бурей дно?
И развѣ не вспыхнетъ надежда во взорѣ,
И солнце не взглянетъ въ окно?

И развѣ не знали мы свѣтлой побѣды,
Когда мы свергали царя?
На старыхъ портретахъ не дрогнули дѣды,
За подвиги благодаря?
И только ли бѣды, суровыя бѣды
Сулить намъ на завтра заря?

При новыхъ постройкахъ опилки и мусоръ
Всегда неизбѣжны... Такъ что-жь?
Найдется ли много глупцовъ или трусовъ,
Бросающихъ стройку? за грошъ
Ее продающихъ?—безъ стружекъ отъ бруса
Ты зданія не возведешь!

Минуютъ, пройдутъ времена самосуда,
Убійць обуздаетъ народъ.
Поля позлатѣютъ отъ хлѣбнаго гуда,
И пѣсню живой запоетъ.
Я вѣрю во Время, какъ въ лучшее чудо!
Я знаю, что Жизнь не умретъ!“

1917 г. Декабрь.
Петроградъ.

ПОЭЗА ПОСЛѢДНЕЙ НАДЕЖДЫ.

Не странны ли поэзовечера,
Безсмертнаго Искусства карнавалы,
Въ странѣ, гдѣ „завтра“ хуже, чѣмъ „вчера“,
Которой, можетъ быть, не быть пора,
Въ странѣ, гдѣ за обвалами—обвалы?..

Но не страннѣй ли этихъ вечеровъ.—
Идущіе на нихъ? да кто вы? дурни,
Въ разгаръ чумы кричащіе: „пировъ!“
Или, и впрямь, фанатики даровъ
Поэзіи, богини—всѣхъ лазурнѣй?!

Поэтъ всегда поэтъ. Но вы то! вы!
Случайные иль чаящіе? кто вы?
Я только что вѣрнулся изъ Москвы,
Гдѣ мнѣ рукоплескали люди-львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Какой шампанскій, искристый экстазы!
О, сколько въ лицахъ вдохновенной дрожи!
Вы, тысячи воспламененныхъ глазъ,
Благоговѣйныхъ, скорбныхъ! вѣрю въ васъ,
Глаза крылатой русской молодежи!

Я вѣрю въ васъ, а значить—и въ страну.
Да, вѣрю я—наперекоръ стихіи!—
Что валъ растеть, вздымающій волну,
Которая всѣ, всѣ сольетъ въ одну,
А потому—я вѣрю въ жизнь Россіи!

1917 г. 12 дек.
Петроградъ.

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ.

Борису Вѣрину.

Искусство въ загонѣ,—сознаемся въ этомъ!
Искусство затмила война.
Что дѣлать въ разбойное время поэтамъ,
Поэтамъ, чья лира нѣжна?

Дни розни партійной для насъ безотрадны,—
Дни мелкихъ, ничтожныхъ страстей...
Мы такъ неумѣстны, мы такъ невпопадны
Среди озвѣрѣлыхъ людей.

Мы такъ равнодушны къ ихъ жалкимъ раздорамъ
И къ ихъ интересамъ мертвы.
Мы тянемся къ рѣкамъ и къ вольнымъ просторамъ
И въ шолковый шопоть травы.

Мы искренне славимъ паденье престоловъ
Во имя свободы людской!
Но если и послѣ царей вы въ тяжелыхъ
Раздорахъ,—мы машемъ рукой!

Союзникъ царизма для насъ не союзникъ,
Какъ недругъ царизма—не врагъ.
Свободный художникъ зачахнетъ, какъ узникъ,
Попавъ въ политическій мракъ.

Намъ пакостны ваши враждебные будни,—
Мы вѣчнымъ искусствомъ горимъ.
Вы заняты „дѣломъ“, а мы—только „трутни“,
Но званьемъ гордимся своимъ!

Отправьте-жъ искусство куда-нибудь къ миѳу:
Трещить отъ него материкъ!..
И кланяйтесь въ поясъ Голодному Тифу,—
Диктатору вашихъ интригъ!

13 юня 1917 г.
Мыза „Ивановка“.

ПОЭЗА БѢЛОЙ СИРЕНИ.

БѢлой ночью въ бѢлыя сирени,
Призракомъ возникшія, приходи!
И цѣлуй, и нѣжь, и на груди
Дай упиться сонмомъ упоеній,
И цѣлуй, и нѣжь, и утруди...

БѢлой ночью бѢлыя привѣты,
Ласкъ больныхъ, весеннихъ полусны,
И любовь, и вѣянье весны,
Полутемени и полусвѣты...
И любовь, и чувства такъ лѣсны!..

Эта ночь совсѣмъ, совсѣмъ живая!
Въ эту ночь приходи ко мнѣ, приходи!
И судьбу свою опереди!
А сирень цвѣтетъ, слегка кивая!
А любовь растеть, легка, въ груди!

Іюнь. 1917 г.

Гатчина.

ПОЭЗА КОРОЛЕВЪ.

Моя-ль душа,—душа не короля?
Въ ней въ бурю,—колыханья корабля.
Когда же въ ней лазоріе и штиль,
Моихъ стиховъ классично—ясенъ стиль.

Тенденціозной узкости идей,
Столь свойственныхъ натурѣ всѣхъ людей,
Не признаю, надменно ихъ презрѣвъ,
Въ поэзіи своей кн. правъ, ни лѣвъ...

Одно есть убѣжденіе у меня:
Не вѣдать убѣжденій. Не кляня,
Благославлять убожество—затѣмъ,
Дабы изъять его навѣкъ изъ темъ...

Я не люблю людей, но я имъ радъ,
Когда они мнѣ рады—вотъ мой взглядъ.
Не вѣрю имъ и гордо, свысока,
Смотрю на нихъ, къ тому жъ издалека.

Вступать въ ряды людей—не мой удѣлъ,
Но вотъ я строй омаршить захотѣлъ,
И я пою, движеніе любя;
Они идутъ, чѣмъ тѣшу я себя.

А стоитъ мнѣ сильнѣе захотѣть,—
И будутъ люди вѣчно жить и пѣть,
Забывъ про смерть, страданія и боль:
Вѣдь я поэтъ—всѣхъ королей короли

Май 1915 г.
Эст.—Тойла.

СТИХИ ВЪ НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Въ ненастный день взойдетъ,
какъ солнце,

Моя вселенская душа!

(Заключительныя строки

„Громокипящаго кубка“).

I.

Вѣрѣ Жуковской.

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить—бесконечный—безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:

Жизнь—въ нашей власти: мы дотолѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.

Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть—малодушіе твое...

Я не могу себѣ представить—
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой!—
Какъ можно этотъ міръ оставить,—
Молчать, истлѣть, не быть собой.

Я превозмогъ порывы гнѣва:
Убивъ другого—я убить...

А потому=любимецъ неба—
Прощу—чтобъ жить!—всю боль обидь.

Я смѣль и прямъ, и простъ, и свѣтель
И смерти явно я бѣгу.

Я всѣхъ простилъ, я все привѣтилъ,
А большаго я не могу!..

Что значить жить? для васъ,—не знаю...
Жить для меня—вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благословляя новый день!

Искать Ее, не уставая,
И пѣть, и мыслить, и дышать.
Какія нови въ чарахъ мая!
Какая въ новяхъ благодать!

И сколько новей въ чарахъ мая,
Вѣдь столько-жъ пѣсенъ впереди.
Живи, живое восторгая!
Отъ смерти мертвое буди!

Но если ты, въ чьихъ мысляхъ узость,
Мнѣ скажешь: „трусъ“,—услышишь ты:
—Да здравствуетъ святая трусость
Во имя жизни и мечты!

1914 Октябрь.

ВСЕ—ЗА НОВЫ!

Дождь за дождемъ, за бурей буря,
За пѣснью пѣснь, за болью боль.
Чело то хмура, то лазуря,
Живутъ и нищій, и король.

О, всколыхните безмятежность,
Благополучье раздробя!
Прекраснѣй послѣ гнѣва нѣжность,
Какъ, послѣ муки, вы—себя!

Свершайте явные ошибки,
Крушите счастье и любовь,
Чтобъ только не было на Шипкѣ
Душъ вашихъ тихо. Все—за новы!

Да, все за новы! за блескъ! за звонкости!
За обіенность и за шагъ!
Я славлю мудрую ребенкость
И молодецескій кулакъ.

Живи, воистину живое,
Не уставая звать меня!
Пылай восторгомъ, ретивое:
Вѣдь даже въ счастье скорбенъ я!

1915 г. июнь.

Эст.—Тойла.

ПОРА КОНЧАТЬ.

Пора кончать! Пожалуй, слишком
Вы далеко уже зашли.
И алымъ предались излишкамъ
Для удобренія земли...

Пора кончать! вѣдь кромѣ смерти
Жизнь существуетъ на землѣ.
Въ аду ублажены всѣ черти,
Глумясь на вашихъ тѣлѣ золѣ...

Пора кончать! воздвигни знамя!
„Любовь и Жизнь“—зажги на немъ!
Пора кончать,—иль кончить съ вами
Готовый грянуть Божій громъ!

Пора кончать! остановитесь!
Довольно Бога искушать.
Вотъ сходить съ неба бѣлый витязь
И молить васъ: „пора кончать“!

Ноябрь 1916 г.

Гатчина.

БАЛЛАДА.

Должна быть кончена война,
При томъ: во что бы то ни стало.
Измучилась моя страна,
Нечеловѣчески устала.
Есть примѣненье для металла
Гораздо лучше, чѣмъ твой братъ.
Да свергнуть Ужасъ съ пьедестала
Министръ, рабочій и солдаты!

Должна быть вамъ троимъ видна
(Иль вамъ трехъ лѣтъ кровавыхъ мало?..)
Смерть, что распутна и жадна,
Зѣвъ гаубицы, сталь кинжала.
Изъ пасти смерти вырвавъ жало,
Живи, живой, живому рады!
Не я,—вамъ это жизнь сказала,
Министръ, рабочій и солдаты!

Все, все въ крови: вода, луна,
Трава, лампасы генерала.
Въ крови зеленая весна,
Смѣнила кровь вино бокала.
Кровь все покрыла, захлестала,
Для крови нѣтъ уже преграды!
У васъ глаза сверкають ало,
Министръ, рабочій и солдатъ!

Взгляните на себя сначала:
Не вами ль созданъ этотъ адъ?
Долой войну! долой Ваала!
Министръ, рабочій и солдатъ!

Апрѣль 1917.
Гатчина.

ПОЭМА ЖИЗНИ.

(Отрывокъ 28-й).

Петру Ларионову.

Я испыталъ всѣ испытанья.
Я всѣ познанія позналъ.
Я изжелалъ свои желанья.
Я молодость отмолодалъ.

Давно всѣ найдены, и снова
Потеряны мои пути...
Одна отнынѣ есть основа:
Простить и умолять: „прости“

Жизнь и отрадна, и страданна
И всю ее принять сумѣй.
Мечта свята. Мысль окаянна.
Безъ мысли жизнь всегда живѣй.

Не разрѣшай проблеммъ вселенной,
Не зная существа проблеммъ.
Впивай душою вдохновенной
Святую музыку поэмъ.

Внемли страстямъ! природѣ! винамъ!
Устраивай бездумный пиръ!
И славь на языкъ орлиномъ
Тебѣ—на время данный!—міръ!

6 февр. 1918 г.

Эстляндія. Іеве. Тойла.

ОЧАМЪ ТВОЕЙ ДУШИ.

Очамъ твоей души—молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачь совѣсти моей...
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь вначалѣ,—
Очамъ души твоей!

Очамъ души твоей—сиренью упоенье
И литургія—гимнъ жасминовымъ почамъ...
Все - все, что дорого, что будить вдохновенье,—
Души твоей очамъ!

Твоей души очамъ—видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши!
Но ты должна принять!.. И плачь, и хохоть лиры—
Очамъ твоей души!

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

Левъ Никулинъ.

БУЛОНСКІЙ ЛѢСЪ.

Уже подъ наклоненной аркой
Не проѣзжаетъ конный стражъ,
И не мелькаетъ лентой яркой
За экипажемъ экипажъ.

Уже моторъ крутой и синій
Не мчитъ аллеями въ лѣсу
Гетеру съ профилемъ богини,
Перо и бѣлую лису...

О, это прошлое модели,
Какъ чужды вѣтренной душѣ
Ея магараджа изъ Дели
Или военный аташе...

А поутру, въ разсвѣтныхъ росахъ,
Уже не будить птицѣй свистъ
Философа тяжелый посохъ
Или поэта тонкій хлысть.

Когда же вечеръ былъ сиреневъ,
Скрывая боль любовныхъ ранъ,
Здѣсь, можетъ быть, мечталъ Тургеневъ
Или блестящій Мопасанъ...

И на зарѣ, какъ отблескъ лунный,
Опять пройдутъ у той межи
Республиканскіе драгуны
И королевскіе пажы.

А тамъ у просѣки, гдѣ пушки,
Гдѣ путь намѣченъ для гранатъ,
Шумить листва, и на опушкѣ
Листы медлительно звенятъ:

„Мы въ эту осень заалѣемъ
Въ послѣдній разъ подъ топоромъ,
Отдайте честь моимъ аллеямъ
Палитрой, шпагой и перомъ...“

1914 г.

ПАВЕЛЪ I.

Отрывокъ изъ поэмы.

Уже просвѣчивалъ въ узорѣ
Чугунный барельефъ оградъ,
Уже алѣли въ небѣ зори
И обагрjali Петроградъ.

И возвращаясь на разсвѣтъ,
Мечтать и вѣрить не уставъ,
Я видѣлъ переломъ столѣтій
И аллебарды у заставъ.

Какія тѣни въ окнахъ синихъ,
Когда лампада догоритъ—
Жестокій Биронъ, или Минихъ
Превознесенный фаворитъ...

Въ карриатидахъ Эрмитажа
Одна и та же рабья злость...
И кто то въ шляпѣ и плюмажѣ
Идетъ перегибая трость.

Тревожимъ затаенной мстью,
Онъ смотритъ каждому въ упоръ,
Сегодня звѣзды и помѣстья,
А завтра—плаха и топоръ...

И, можетъ быть, предатель-Паленъ,
Идетъ аллеей трепеща,
У леденѣщихъ проталинъ
Взметая складками плаща...

Полу-холопъ, полу-диктаторъ,
Что ждетъ васъ... Ссылка и арестъ,
Или усопшій императоръ
Тревожитъ вашъ могильный крестъ?...

Петръ Ларионовъ.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЬ.

посв. Игорю Сѣверянину.

Весенній вечеръ догоралъ,
Пылая огненною далью.
А надъ рѣкой туманъ вставалъ,
И грохоть города, съ печалью,
Ко сну на отдыхъ замиралъ.

Сгущались сумерки; вокругъ
Спускалась тишина нѣмая.
Лишь прожужжить внезапно жукъ,
Да съ рѣчки, воздухъ оглашая,
У птицы вырвется испугъ.

И снова тишина царить...
А ночь уже въ томленьи лунномъ,
Плывая, всѣхъ сказками дарить.
Я забываю день свой трудный,
Душа съ природой говорить.

Май 1909 г.

Пудость.

Мыза „Ивановка“

ДУША ПОЭТА.

Пускай судьба томить жестоко,
Пускай не вижу алыхъ дней,
Но мысли вольныя высоко
Нарясть средь солнечный лучей.

А вы, тонувшіе во златѣ,
Вы безпокойны за нее:
Дрожите страхомъ, всѣ объаты,
Какъ не укралъ-бы кто ее!

ЖАЖДА ЖИЗНИ.

Отъ сердца шлю къ тебѣ привѣтъ,
Привѣтъ весны цвѣтущей;
Въ природѣ здѣсь тепло и свѣтъ
И шумъ вокругъ пѣвучій.

Здѣсь все ликуеть и поеть,—
И всѣмъ отрадно въ маѣ.
Но я угрюмъ, не достаетъ
Чего-то въ жизни — раѣ...

Ну, что мнѣ нужно, что прошу?
Имѣя даръ поэта,
Среди цвѣтовъ одинъ брожу,—
И жду отъ нихъ отвѣта.

Они, нарядные, молчатъ,—
Зато ихъ взоры—ласки
Меня дурманять, словно ядъ,
Въ дурманѣ—дѣвы, пляски...

И, какъ безумный, я стою...
Итти куда—не знаю?..
О Муза, Муза! пѣснь мою
Прими,—пойми—сгораю.

Я молодъ, есть вино, друзья,
Дворецъ,—казна богата...
Но все,—увы, не счастливъ я,—
Такъ что-жъ, скажи, мнѣ надо?

Май 1908 г.

О Т В Ъ Т Ъ.

Не упрекай меня за долгое молчанье,—
Отъ сердца я скажу: съ тобою мнѣ не жить.
Вѣдь жизнь моя бѣдна: заботы да страданье;
Заботою своей боюсь тебя сгубить.

И не пойму тебя. Ты нѣжна и прекрасна,
Не зная нищеты, въ довольствѣ все жила.
И вдругъ, въ письмѣ ко мнѣ, съ любовью нервно-
страстной,
Ты пишешь: „безъ тебя мнѣ жизнь ужъ
не мила“...

Ну что нашла во мнѣ? что я поэтъ,— такъ что-ли?
На это я скажу: „поэтъ не семьянинъ,—
Что онъ рожденъ любить, но что разлюбить
вскорѣ,
И что среди людей онъ — человѣкъ одинъ“.

Царское Село.
Мѣстный Воен. Госпиталь
Январь 1915 года.

Е. Ланаіотти

ПАЖЪ,

посв. ☉ Я. Долладзе.

Всю ночь стояла смерть у двери,
Какъ вѣрный стражъ.
И плакалъ, вѣря и не вѣря,
Ломая руки бѣдный пажъ.

Всю ночь молился въ ожиданьи
Въ углу, гдѣ свѣтятъ образа,
Пока, уставши отъ страданья
Закрылись влажные глаза;

Пока не сталъ онъ одинокимъ,
Онъ не взглянулъ на скорбный тронъ,
Откуда вѣяло далекимъ
И жуткимъ вздохомъ похоронъ.

И вотъ она сошла блѣднѣя,
Тяжелый шлейфъ рукой держа.
Мелькнули въ страхъ передъ нею
Глаза печальные пажа.

И обезсилѣвъ прислонилась
Къ колоннамъ мраморнымъ дворца,
На плиты бѣлыя склонилась
Тѣнь помертвѣвшаго лица.

И долго послѣ онъ у двери
Бродилъ терзаемый тоской,
И плакалъ, вѣря и не вѣря,
Войти не смѣлъ въ ея покой.

Всю ночь ловилъ онъ стоны дальнѣе,
А къ утру тихо стало вдругъ:
Зажгли лампы въ усыпальницѣ,
Покрыли крепомъ все вокругъ

И унесли ее, рыдая,
Изъ стѣнъ холоднаго дворца,
Прощальнымъ взглядомъ припадая
Къ чертамъ застывшаго лица.

И стало жутко сиротливо,
Лампады гаснули дрожа...
И только вѣтеръ пѣлъ тоскливо
О горѣ бѣднаго пажы.

Промчатся дни. И сны обмануть.
Погаснетъ солнце на небесахъ.
Въ глуши лѣсной цвѣты увянутъ.
Душа и сердце любить устанутъ.
Глаза закроются въ слезахъ.
Промчатся дни. И ядъ сомнѣній
Отравить новыя мечты
Здѣсь, въ этомъ горькомъ мірѣ тлѣннѣй,
Какъ вопль напрасныхъ сожалѣннѣй,
Какъ холодъ мертвый дуновеннѣй,
Сметѣтъ въ неясный день осеннѣй
Позолоченные листы.
И воцарится мракъ бездонный
На днѣ измученной души...
Гдѣ пронесутся только стоны,
Какъ пѣсенъ позднихъ перезвоны,
Какъ звукъ печальный, похоронный
Въ нѣмой и мертвенной тиши.
Промчатся дни. И сны обмануть.
Померкнуть звѣзды на небесахъ...
Въ глуши лѣсной цвѣты увянутъ
Душа и сердце рыдать устанутъ.
Мольба затихнетъ на устахъ.

КАМЕЯ.

Игорю—Съверянину.

Съ лицомъ загадочнымъ камеи,
Съ прорѣзомъ длинныхъ, скорбныхъ глазъ,
Съ косами темными, какъ змѣи,
Ее онъ видѣлъ только разъ.
И озарилось сердце ласкою,
Вливая въ душу сладкій ядъ,
Когда подъ черной полумаскою
Къ нему приникъ бездонный взглядъ
И пилъ онъ, пилъ вино искристое,
Пьянѣлъ отъ грезъ издавека...
Держала ткани золотистыя,
Какъ стебель тонкая рука...
Онъ не узналъ ея улыбки,
Лишь скорбь была въ ея лицѣ.
Кольцо сжимало пальцы гибкіе,
И черный камень былъ въ кольцѣ..
Она прошла нѣмой и гордою,
Въ лучистомъ, огненномъ снопѣ.
И шелъ онъ поступью нетвердою
Напрасно ждать ее въ толпѣ...
Съ лицомъ загадочнымъ камеи,
Съ прорѣзомъ узкихъ, длинныхъ гдазъ
Съ косами темными, какъ змѣи,
Ее онъ видѣлъ—только разъ.

М. К л а р к ъ.

Т Р У Б А Д У Р Ъ.

Посв. Е. Я. Долидзе.

Отуманенный мечтой неясной лунной,
Гдѣ звенять весенніе напѣвы,
Тосковалъ задумчивый и юный
Трубадуръ влюбленный въ королеву
Каждый вечеръ приходилъ онъ въ замокъ...
Въ отблескахъ сгорающаго свѣта
Въ честь прекрасной недоступной дамы
Онъ слагалъ изящные сонеты.
И лилась мелодія хрустальная
И тоской звенѣла безнадежной...
Лютня пѣла страстно и печально.
О любви невысказанной нѣжной.
Каждый разъ встрѣчалъ онъ взглядъ лучистый—
Снова въ сердцѣ алая заря...
И любовь его была такою чистой,
Какъ молитвы вздохъ у алтаря.
Нѣтъ въ душѣ ни ревности, ни гнѣва;
О любви пусть онъ не скажетъ слова,
Пусть его не любитъ королева,
Но она не любитъ и другого.
Онъ не ждалъ ни ласкъ, ни поцѣлуя,
И молчаніе свое не смѣлъ нарушить,

Каждый вечеръ сладостно тоскуя,
Только въ пѣсняхъ открываль онъ душу.

Но однажды былъ объявленъ праздникъ:
Королевы юной обрученье.

Этотъ день былъ днемъ неожиданной казни,
Для него—день муки и томленья.

Въ старомъ замкѣ гдѣ, царила радость,
Гдѣ встрѣчались всѣ улыбкою привѣта,
Въ этотъ день не зналъ покоя сладость,
Трубадуръ любившій безъ отвѣта.

Онъ кольцо увидѣлъ обручальное,
И тоскуя плакалъ онъ въ тиши.

Пѣла лютя пѣсню погребальную
Для его непонятой души.

Съ мертвымъ сердцемъ замокъ онъ покинулъ,
И замкнутый въ мукѣ молчаливой,
Только взгляды послѣдній долгій кинулъ
Королевѣ гордой и счастливой.

Въ старомъ замкѣ весело и шумно...

Смѣхъ гостей веселый раздавался...

И не знали что, въ тоскѣ бездушной
Чей то сонъ неясный оборвался.

Тамъ во мракѣ безнадежно черномъ
Слушалъ чистые нездѣшніе напѣвы...

Умиралъ такъ тихо и покорно

Трубадуръ, влюбленный въ королеву.

Умреть блѣднѣющее плямя.
Погасла яркая звѣзда.
Во тьмѣ утонуть дни за днями...
Ты не вернешься никогда.
Въ душѣ твое сотрется имя—
Но узелъ встрѣчи не порвать.
Глазами скорбными своими
Ты выжегъ вѣчную печать.
Пусть голосъ твой умреть безслѣдно—
Въ лицо тебѣ не брошу ложь..
Но знаю—изъ тумана блѣднаго
Послѣдній разъ ты позовешь.
И на дорогѣ освѣтленнѣй,
Въ нѣмой покорности конца,
Я забывала отдаленныя
Черты любимаго лица.
Мнѣ вспыхнетъ яркими лучами
Другая свѣтлая звѣзда....
Прощай... Спустилась ночь надъ нами.....
Ты не вернешься. Никогда.

Кириллъ Халафовъ.

ПОЭЗА О СИНЕЙ ПТИЦѢ.

Вѣръ Платоновой.

Въ душѣ моей—Синяя Птица,
Лазурно—экстазное солнце.
Она ослѣпительнѣй солнца,
Души моей Синяя Птица.

Ахъ, люди—бездарно-слѣпые,
Ея не увидятъ вовѣки;
Пусть блескъ ея сжегъ бы имъ вѣки—
Ея не увидятъ слѣпые...

Они мнѣ противны и жалки,
Безцвѣтью своей мнѣ тошнотны;
Они—всѣ рабы; я—свободный.
Конечно, они будутъ жалки.

И если терплю я ихъ гордо,—
Презрительный, замкнутый, гордый—
То лишь потому, что боится
Безмысленныхъ глазъ Синептица.

Но если любовь, май и ночи—
Открою души моей клѣтку,
И блескъ нестерпимый изъ клѣтки
Ослѣпить любимыя очи.

И станетъ дѣйствительность грѣзой:
Прозрѣетъ душа ея сразу,
И станетъ такъ видно то сразу,
О чемъ были жадныя грѣзы.

И милую эту слѣпую
Прощающе я поцѣлую,—
И выпорхнетъ Синяя Птица,
И пѣть будетъ Синяя Птица
О лишней свободной душѣ.

ВЪ СКОРОМЪ ВРѢМЕНИ
ВЫЙДУТЪ СЛѢДУЮЩІЯ
К Н И Г И:

КУПРИНА А. И.

ЧИРИКОВА Е. Н.

БАЛЬМОНТА К. Д.

КОГАНЪ П. С.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА“.
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 29, КВ. 20.
ТЕЛЕФ. 4-26-52.